

МАЙК ДЭВИС

Планета трущоб¹

В скором будущем в лагосской трущобе Айегунле родит женщина, или молодой человек сбежит из своей деревни в западной части Явы в Джакарту, или фермер со своей обнищавшей семьей переселится в одну из бесчисленных *pueblos jóvenes* Лимы. Само по себе такое событие не будет иметь большого значения, и оно останется полностью незамеченным. Тем не менее, оно послужит своеобразным водоразделом в истории человечества. Впервые городское население по численности превзойдет деревенское. И, принимая во внимание несовершенство переписей, проводимых в «третьем мире», этот эпохальный переход, возможно, уже совершился.

Урбанизация планеты разворачивалась быстрее, чем изначально предсказывал в печально известном мальтузианском докладе «Пределы роста» Римский клуб. В 1950 году в мире было 86 городов с населением более одного миллиона человек; сегодня таких городов 400, а к 2015 году их будет по меньшей мере 550. Города уже поглотили почти две трети глобального демографического взрыва, который начался в середине прошлого столетия, и в настоящее время они пополняются миллионом младенцев и мигрантов в неделю. Городское население (3,2 миллиарда человек) превосходит сегодня по численности все население мира в 1960 году. Между тем, глобальная деревня уже достигла своего максимального населения (3,2 миллиарда человек) и начнет сокращаться после 2020 года. В результате, города будут обеспечивать весь будущий прирост мирового населения, численность которого, по прогнозам, к 2050 году достигнет своего максимума и составит примерно 10 миллиардов человек.

¹ Mike Davis, 'Planet of Slums,' *New Left Review*, 2004, no. 26, p. 5–34.

Урбанизация бедности

Гора мусора простиралась очень далеко, постепенно, без видимой границы переходя во что-то еще. Но во что? Запутанные и непролазные постройки. Картонные коробки, листы фанеры, гнилые доски, ржавые кузова машин с выбитыми стеклами были свалены вместе, образуя своеобразное жилище.

Майкл Телвел, Корни травы, 1980

Говорят, что первое опубликованное определение «трущоб» появилось в «Словаре блатного жаргона» Джеймса Харди Во 1812 года; тогда это слово было синонимом «рэкета» или «незаконной торговли».² Но в 1830–1840-х годах во времена холеры бедняки жили в трущобах, а не занимались такими вещами. Поколение спустя трущобы появились в Америке и Индии и вообще стали считаться международным явлением. «Классические трущобы» стали ограниченным и живописно локальным явлением, но в целом реформаторы были согласны с Чарльзом Бутом, что все трущобы отличало сочетание ветхого жилья, перенаселенности, бедности и порока. Для либералов XIX столетия решающее значение имело, конечно же, моральное измерение, а трущобы были, прежде всего, местом, где происходило моральное разложение «отбросов общества». Авторы «Трущоб» отказываются от викторианского морализма, но продолжают следовать классическому определению: перенаселенность, бедность или неформальное жилье, отсутствие доступа к чистой воде, антисанитария и незащищенность.³

Это многомерное определение на самом деле отражает весьма консервативный подход к тому, что принято называть трущобами: многие читатели будут удивлены, узнав, что, по оценкам ООН, всего лишь 19,6% горожан Мексики живут в трущобах. Тем не менее, даже с таким жестким определением «Трущобы» пришли к выводу, что в 2001 году численность обитателей трущоб в мире составляла по меньшей мере 921 миллион человек: во времена, когда молодой Энгельс впервые оказался на злых улицах Манчестера, столько людей жило вообще во всем мире. На самом деле неолиберальный капитализм привел к стремительному росту трущоб, похожих на известную диккенсовскую трущобу «Одинокого Тома» из «Холодного дома». Жители трущоб составляют примерно 78,2% городского населения наименее развитых стран мира и целую треть всего городского населения в мире. Исходя из возрастной струк-

² Prunty, *Dublin Slums*, p. 2.

³ *Slums*, p. 12.

туры большинства городов «третьего мира», можно сделать вывод, что по меньшей мере половина жителей трущоб моложе 20 лет.

Наиболее высокий процент жителей трущоб — в Эфиопии (поразительные 99,4% городского населения), Чаде (те же 99,4%), Афганистане (98,5%) и Непале (92%). Но самыми бедными горожанами являются жители Мапуту и Киншасы, где, по данным других источников, две трети населения зарабатывают меньше стоимости минимально необходимого ежедневного питания. В Дели специалисты по городскому планированию говорят об образовании «трущоб в трущобах», когда городская беднота самовольно заселяет небольшие открытые пространства периферийных колоний-поселений, куда в 1970-х была насильственно выселена старая городская беднота. В Каире и Пномпене новые горожане селятся или платят за место на крышах домов, создавая трущобы под открытым небом.

Численность населения трущоб нередко сознательно преуменьшается. Например, в конце 1980-х в Бангкоке «официально» бедными считались всего 5% жителей, но исследователи обнаружили, что почти четверть населения (1,16 миллиона человек) жила в трущобах и самовольных поселениях. Точно так же представители ООН недавно обнаружили, что они, сами того не желая, недооценивали численность городской бедноты в Африке. Оказалось, что численность обитателей трущоб, например, в Анголе почти вдвое превышала первоначальные оценки. Подобным образом недооценивалось количество бедных горожан и в Либерии: и в этом нет ничего удивительного, так как численность жителей Монровии всего за год (1989–1990) выросла втрое, когда охваченные паникой жители деревень бежали в города от ужасов гражданской войны.

На земле существует, вероятно, более четверти миллиона трущоб. В одних только пяти южноазиатских мегаполисах находится около 15.000 трущоб с общей численностью населения свыше 20 миллионов человек. Еще больше людей проживает в трущобах Западной Африки; крупные поселения бедняков тянутся через Анатолию и Эфиопское нагорье; закрепляются у подножий Анд и Гималаев; окружают небоскребы Мехико, Йоханнесбурга, Манилы и Сан-Пауло; и, конечно, лежат вдоль побережий Амазонки, Нигера, Конго, Нила, Тигра, Ганга, Иравади и Меконга. Составляющие этой планеты трущоб, парадоксальным образом, полностью взаимозаменяемы и совершенно уникальны: они включают *bustees* Калькутты, *chawls* и *zopadpattis* Мумбаи, *katchi abadis* Карачи, *kampung*s Джакарты, *iskwaters* Манилы, *shammasas* Хартума, *umjondolos* Дурбана, *intra-muros* Рабата, *bidonvilles* Абиджана, *baladis* Каира, *gecekondus* Анкары, *conventillos* Кито, *favelas* Бразилии, *villas miseria* Буэнос-Айреса и *colonias populares* Мехико. Это мрачная противоположность фантастических ландшафтов и жилых тематических парков — буржуазных «иных миров» Филиппа К. Дика, — в которых все чаще предпочитают заточать себя глобальные средние классы.

Если раньше классической трущобой был разлагающийся центр города, то новые трущобы обычно располагаются на окраинах разросшихся городов. Горизонтальный рост городов, вроде Мехико, Лагоса или Джакарты, конечно, беспрецедентен по своим масштабам, и «разрастание трущоб» представляет такую же проблему для развивающихся стран, как и разрастание пригородов для богатых. Заселенная область Лагоса, например, всего за десятилетие с 1985 по 1994 год выросла вдвое. В 2002 году губернатор штата Лагос заявил репортерам, что «около двух третей всех земель штата — площадью 3577 квадратных километров — можно отнести к лачугам или трущобам».⁴ Как пишет обозреватель ООН,

большая часть города представляет собой загадку... неосвещенные дороги проходят между горами тлеющего мусора, сменяясь грязными улочками, образующими 200 кварталов трущоб с забитыми до отказа сточными канавами... Никто не знает наверняка, сколько здесь живет людей (официально — 6 миллионов, но большинство специалистов говорит о 10 миллионах), не говоря уже о количестве убийств, совершаемых каждый год, или носителей ВИЧ.⁵

Кроме того, Лагос — это самый большой узел в коридоре трущоб с семидесятимиллионным населением, который простирается от Абиджана до Ибадана: наверное, самой большой области непрерывной городской бедности на земле.

Экология трущоб, конечно, основывается на обеспечении заселенного пространства различными благами. Уинтер Кинг, в своем недавнем исследовании, опубликованном в *Harvard Law Review*, утверждает, что 85% городских жителей в развивающихся странах «занимают собственность незаконно».⁶ Неопределенность с правами на землю и/или размытая государственная собственность — это и есть те лазейки, сквозь которые огромные массы людей пробрались в города. Формы поселения в трущобах заметно варьируются от высоко дисциплинированных захватов земель в Мехико и Лиме до сложно организованных (и часто незаконных) рынках наемного жилья на окраинах Пекина, Карачи и Найроби. Даже в городах, вроде Карачи, где городская периферия формально принадлежит правительству, «огромная прибыль частного сектора от спекуляций с земельными участками... продолжа-

⁴ *Daily Times of Nigeria*, 20 October 2003. Лагос рос быстрее любого другого крупного города «третьего мира», за исключением Даки. В 1950 году в нем было всего 300 тысяч жителей, но затем темпы его роста составляли 10% в год до 1980 года; замедление до 6% наступило лишь во время структурной перестройки, но это все равно остается очень высоким показателем.

⁵ Amy Otchet, 'Lagos: the survival of the determined', UNESCO Courier, June 1999.

⁶ Winter King, 'Illegal Settlements and the Impact of Titling Programmes,' *Harvard Law Review*, vol. 44, no. 2, September 2003, p. 471.

ет расти за счет домохозяйств с низкими доходами».⁷ Причем национальные и местные власти обычно не борются с неформальным заселением (и часто незаконными частными спекуляциями), пока им удастся контролировать трущобы и поддерживать непрерывный поток взяток или получение ренты. Без формальных прав на землю или собственности на жилье обитатели трущоб обречены на квазифеодальную зависимость от местных чиновников и партийных боссов. Нелояльность может означать выселение или даже снос всего района.

Из-за высоких темпов урбанизации не удастся своевременно создавать жизненно важную инфраструктуру, вследствие чего полугородские трущобы зачастую не имеют никаких формальных коммунальных служб или водопровода и канализации.⁸ В бедных районах латиноамериканских городов дела обстоят не лучше, чем в бедных районах городов Южной Азии, но, в отличие от большинства африканских трущоб, они имеют водопровод и электричество. Как и в ранневикторианском Лондоне, загрязнение воды экскрементами людей и животных остается причиной хронических кишечных заболеваний, которые уносят в год не менее двух миллионов жизней младенцев и маленьких детей, проживающих в городах.⁹ Около 57% горожан в Африке не имеют водопровода и канализации, а в городах, вроде Найроби, бедняки вынуждены использовать «компактные туалеты» (испражняться в полиэтиленовые пакеты).¹⁰ В Мумбаи масштабность проблемы санитарии можно оценить по тому, что в бедных районах на тысячу жителей приходится всего два туалета. Только 11% бедных окрестностей Манилы и 18% Дакки имеют формальные средства избавления от нечистот.¹¹ Если оставить в стороне эпидемию ВИЧ/СПИД, по подсчетам ООН, двое из пяти обитателей африканских трущоб живут в бедности, которая в буквальном смысле «представляет угрозу для жизни».¹²

Городская беднота, меж тем, заселяет опасные и не подлежащие застройке по иным причинам места — крутые склоны, берега и поймы рек. Они селятся близ очистных сооружений, предприятий химической промышленности, свалок ядовитых отходов или вдоль железных дорог и шоссе. В результате, бедность превращается в городскую проблему, беспрецедентную по своему масштабу: вспомним постоянные наводнения в Маниле, Дакке и Рио, взрывы трубопроводов в Мехико и Кубатао (Бразилия), бхопальскую катастрофу в Индии, взрыв завода, про-

⁷ United Nations, *Karachi*, Population Growth and Policies in Megacities series, New York 1988, p. 19.

⁸ Но это отсутствие инфраструктуры создает бесчисленные ниши для неформальных работников: продажа воды, вывоз нечистот, переработка мусора, доставка бытового газа и т.д.

⁹ World Resources Institute, *World Resources: 1996–1997*, Oxford 1996, p. 21.

¹⁰ *Slums of the World*, p. 25.

¹¹ *Slums*, p. 99.

¹² *Slums of the World*, p. 12.

изводящего боеприпасы, в Лагосе и смертоносные оползни в Каракасе, Ла-Пасе и Тегусигальпе.¹³ Кроме того, бесправные общины городской бедноты уязвимы для внезапных проявлений государственного насилия, вроде известного сноса расположенной на пляже трущобы Мароко в Лагосе в 1990 году (она «мозолила глаза жителям острова Виктория, этой крепости для богатых») или уничтожения во время заморозков более крупного города Чженьянкун, образовавшегося в результате стихийной застройки, на окраине Пекина.¹⁴

Но при всей своей опасности и незащищенности трущобы ждет блестящее будущее. Какое-то время в деревне будет проживать большинство бедного населения всего мира, но к 2035 году городские трущобы опередят ее.¹⁵ Не менее половины грядущего демографического взрыва в городах «третьего мира» придется на неформальные сообщества. Два миллиарда жителей трущоб к 2030 или 2040 годам — мрачная, почти непостижимая перспектива, но городская бедность накладывается на и выходит за границы трущоб *per se*. В «Трущобах» отмечается, что в некоторых городах большинство бедняков живет за пределами трущоб *stricto sensu*.¹⁶ Исследователи Центра глобального мониторинга городов также предупреждают, что к 2020 году «городская бедность в мире может поразить 45–50% всего населения, проживающего в городах».¹⁷

“Большой взрыв” городской бедности

Загадочно рассмеявшись, они быстро
сменили тему. Как людям вернуть дома
после структурной перестройки?

Фиделис Балогун,
Перестроенные жизни, 1995

Развитие новой городской бедности не было линейным историческим процессом. Медленное разрастание городов перемежалось резким ростом бедности и внезапными взрывами трущобной застройки. В своем сборнике рассказов «Перестроенные жизни» нигерийский писатель Фиделис Балогун сравнивает внедрение программы структурной перестройки (ПСП) под руководством МВФ в середине 1980-х со стихийным

¹³ Прекрасное исследование конкретного примера см.: Greg Bankoff, ‘Constructing Vulnerability: The Historical, Natural and Social Generation of Flooding in Metropolitan Manila’, *Disasters*, vol. 27, no. 3, 2003, pp. 224–238.

¹⁴ Otchet, ‘Lagos’; Li Zhang, *Strangers in the City: Reconfigurations of Space, Power and Social Networks within China’s Floating Population*, Stanford 2001; Alan Gilbert, *The Latin American City*, New York 1998, p. 16.

¹⁵ Martin Ravallion, *On the urbanization of poverty*, World Bank paper, 2001.

¹⁶ *Slums*, p. 28.

¹⁷ *Slums of the World*, p. 12.

бедствием, навсегда истребившим старый дух Лагоса и «заново поработивший» нигерийских горожан.

Жуткая логика этой экономической программы заключалась в том, что для возвращения к жизни умирающей экономики из неимущего большинства граждан было выжато последнее. Средний класс быстро исчез, и объедки со стола богатых стали пищей для резко обедневшего населения. Утечка мозгов в нефтедобывающие арабские страны и на Запад приобрела невиданные масштабы.¹⁸

Сетования Балогуна по поводу «масштабной приватизации и роста числа голодающих» или рассказ о множестве негативных последствий ПСП знакомы всем, кто пережил ПСП, не только в тридцати других африканских странах, но и сотням миллионов жителей Азии и Латинской Америки. 1980-е годы, когда МВФ и Всемирный банк использовали долговые рычаги для реструктуризации экономик большинства стран третьего мира, были временем, когда трущобы стали неизбежным будущим не только для бедных мигрантов из деревень, но и для миллионов традиционных горожан, обнищавших вследствие насильственной «перестройки».

Как отмечается в «Трущобах», ПСП были «осознанно антигородскими по своей природе» и призванными полностью устранить все «перекосы в пользу города», которые существовали в социальной политике, финансовой структуре или государственных инвестициях.¹⁹ И везде МВФ, действовавший как дубина крупных банков и пользовавшийся поддержкой Рейгана и Буша, предлагал руководству бедных стран отведать одного и того же ядовитого зелья девальвации, приватизации, устранения контроля над импортом и субсидий на производство продуктов питания, возвращения к платному образованию и медицине и безжалостного сокращения государственного сектора. (Как говорилось в пресловутой телеграмме министра финансов Джорджа Шульца, направленной в 1985 году зарубежным представителям Агентства международного развития, «в большинстве случаев предприятия государственного сектора следует приватизировать».)²⁰ В то же время ПСП разоряли мелких земледельцев, лишая их субсидий и толкая их — «плыви

¹⁸ Fidelis Odun Balogun, *Adjusted Lives: stories of structural adjustment*, Trenton, NJ 1995, p. 80.

¹⁹ *The Challenge of Slums*, p. 30. Теоретики «перекося», вроде Майкла Липтона, который в 1977 году придумал этот термин, утверждают, что в развивающихся странах вследствие налоговой и финансовой политики, отвечавшей интересам городских элит и искажавших потоки инвестиций, сельское хозяйство было недостаточно капитализированным, а города сравнительно «переурбанизированными». В пределе города преподносились как паразиты, присосавшиеся к деревне. См.: Lipton, *Why Poor People Stay Poor: A Study of Urban Bias in World Development*, Cambridge 1977.

²⁰ Цит. по: Tony Killick, 'Twenty-five Years in Development: the Rise and Impending Decline of Market Solutions', *Development Policy Review*, vol. 4, 1986, p. 101.

или тони!» — в пучину глобальных товарных рынков, на которых безраздельно господствовал агробизнес «первого мира». ²¹

Как отмечает Ха-Чжун Чанг, ПСП лицемерно «выбивали из-под ног лестницу» (т.е. протекционистские тарифы и субсидии), которую использовали сами страны-члены ОЭСР при переходе от сельского хозяйства к дорогостоящим городским товарам и услугам. ²² В «Трущобах» проводится та же мысль: «главной причиной роста бедности и неравенства в 1980–1990-х годах было самоустранение государства». Помимо прямого сокращения расходов и собственности государственного сектора, в соответствии с ПСП, авторы из ООН отмечают несколько менее заметное ослабление возможностей государства в результате применения принципа «субсидиарности»: деволуции полномочий нижестоящим органам власти и особенно НПО, напрямую связанным с ведущими агентствами международного развития.

Цельная, внешне децентрализованная структура глубоко чужда идее национального представительного правления, прекрасно работавшей в развитом мире, но она вполне отвечает потребностям глобальной гегемонии. Доминирующая международная [т.е. вашингтонская] позиция становится *de facto* парадигмой развития, и весь мир начинает двигаться в направлении, которое указывают доноры и международные организации. ²³

Больше всего от искусственной депрессии, срежиссированной МВФ и Белым домом, пострадали городская Африка и Латинская Америка. И во многих странах экономические последствия ПСП в 1980-х в сочетании с продолжительной засухой, взлетом цен на нефть, процентных ставок и падением товарных цен оказались намного более суровыми и продолжительными, чем последствия «Великой депрессии».

К последствиям структурной перестройки в Африке, рассмотренным Кароль Ракоди, относятся отток капитала, крах производства, незначительный или отрицательный рост доходов от экспорта, резкое сокращение городских коммунальных услуг, взлет цен и резкое сокра-

²¹ Deborah Bryceson, 'Disappearing Peasantries? Rural Labour Redundancy in the Neoliberal Era and Beyond', in Bryceson, Cristóbal Kay and Jos Mooij, eds, *Disappearing Peasantries? Rural Labour in Africa, Asia and Latin America*, London 2000, p. 304–305.

²² Ha-Joon Chang, 'Kicking Away the Ladder: Infant Industry Promotion in Historical Perspective', *Oxford Development Studies*, vol. 31, no. 1, 2003, p. 21. «В период с 1960 по 1980 год рост душевого дохода в развивающихся странах составлял 3% в год, а в период с 1980 по 2000 год — всего около 1,5%... Поэтому неолиберальные экономисты сталкиваются со следующим парадоксом: развивающиеся страны росли быстрее, когда они использовали “плохую” политику в 1960–1970-х годах, чем когда они использовали “хорошую” (или, по крайней мере, “лучшую”, чем прежде) политику в последние два десятилетия» (p. 28).

²³ Slums, p. 48.

щение реальной заработной платы.²⁴ В Киншасе («отклонение или же знак грядущих перемен?») *assainissement* вычистило средний класс государственных служащих и вызвало «невероятное сокращение реальной заработной платы», которое, в свою очередь, вызвало кошмарный рост преступности, в том числе организованной.²⁵ В Дар-эс-Саламе в 1980-х годах происходило последовательно сокращение расходов коммунальных служб на 10% в год: это был полный крах местного государства.²⁶ В Хартуме либерализация и структурная перестройка, по данным местных исследователей, привели к появлению 1,1 миллиона «новых бедных»: «в основном за счет чиновников».²⁷ В Абиджане, одном из немногих городов тропической Африки с серьезным производственным сектором и современными городскими службами, переход к режиму ПСП вызвал деиндустриализацию, крах строительства и стремительный упадок общественного транспорта и коммунального обслуживания.²⁸ В Нигерии во все более урбанизированном Лагосе, Ибадане и других городах количество остро нуждающихся резко подскочило с 28% в 1980 году до 66% в 1996 году. «ВВП на душу населения, составляющий сегодня около 260 долларов», — сообщает Всемирный банк, — «ниже уровня времен обретения независимости 40 лет тому назад и 370 долларов 1985 года».²⁹

В Латинской Америке ПСП (часто проводимые военными диктатурами) дестабилизировали деревенские экономики, создавая сложности с работой и жильем в городах. В 1970-х годах геваристские теории «очагов» крестьянских восстаний все еще отвечали континентальной реальности, в которой деревенская бедность (75 миллионов бедняков) превосходила городскую (44 миллиона бедняков). Но к концу 1980-х подавляющее большинство бедных (155 миллионов в 1990 году) проживало уже в городских *colonias* и *villas miseria*, а не в деревне (80 миллионов).³⁰

Между тем, произошел стремительный рост городского неравенства. В Сантьяго пиночетовская диктатура уничтожила трущобы и выселила прежде радикальных сквоттеров, вынуждая бедные семьи становиться *allegados*, когда на одной и той же снимаемой площади жило вдвое или даже втрое больше людей. И если в 1984 году в Буэнос-Айресе доходы наиболее богатых превышали доходы наиболее бедных в 10 раз,

²⁴ Carole Rakodi, 'Global Forces, Urban Change, and Urban Management in Africa', in Rakodi, *Urban Challenge*, pp. 50, 60–61.

²⁵ Piermay, 'Kinshasa', p. 235–236; 'Megacities', *Time*, 11 January 1993, p. 26.

²⁶ Michael Mattingly, 'The Role of the Government of Urban Areas in the Creation of Urban Poverty', in Sue Jones and Nici Nelson, eds, *Urban Poverty in Africa*, London 1999, p. 21.

²⁷ Adil Ahmad and Ata El-Bathani, 'Poverty in Khartoum', *Environment and Urbanization*, vol. 7, no. 2, October 1995, p. 205.

²⁸ Alain Dubresson, 'Abidjan', in Rakodi, *Urban Challenge*, pp. 261–3.

²⁹ World Bank, *Nigeria: Country Brief*, September 2003.

³⁰ UN, *World Urbanization Prospects*, p. 12.

то в 1989 году — уже в 23 раза.³¹ В Лиме, где минимальная заработная плата обесценилась на 83% за время спада, вызванного вмешательством МВФ, количество домохозяйств, живущих за чертой бедности, выросло с 17% в 1985 году до 44% в 1990 году.³² В Рио-де-Жанейро неравенство, оцениваемое при помощи классического коэффициента Джини, взлетело с 0,58 в 1981 году до 0,67 в 1989 году.³³ В 1980-х по всей Латинской Америке наблюдалось резкое увеличение разрыва между бедными и богатыми. (Согласно отчету Всемирного банка за 2003 году, коэффициент Джини в Латинской Америке был на 10 пунктов выше, чем в Азии; на 17,5 выше, чем в ОЭСР, и на 20,4 пунктов выше, чем в Восточной Европе).³⁴

Во всем «третьем мире» экономические потрясения 1980-х заставили людей обратиться к совокупным ресурсам домохозяйств и особенно навыкам выживания и вынужденной изобретательности женщин. В Китае и промышленно развивающихся городах Юго-Восточной Азии миллионам молодых женщин пришлось пойти работать на чудовищные сборочные линии и фабрики. В Африке и большинстве стран Латинской Америки, за исключением городов, расположенных вдоль северной границы Мексики, не было даже такой возможности. Здесь деиндустриализация и увольнение мужчин из формального сектора заставили женщин искать новые средства к существованию, выполняя сдельную работу, занимаясь продажей спиртного и становясь уличными торговками, уборщицами, посудомойками, старьевщицами, няньками и проститутками. В Латинской Америке, где занятость женщин всегда была ниже, чем на других континентах, вливание женщин в неформальный сектор в 1980-х было особенно впечатляющим.³⁵ В Африке, где иконой неформального сектора стали женщины, создававшие забегаловки, Кристиан Роджерсон напоминает, что большинство женщин в неформальном секторе были все же наемными работницами, не обладавшими экономической независимостью.³⁶ (Эти вездесущие и порочные сети микроэксплуатации, бедных, эксплуатирующих еще более бедных, обычно приукрашиваются в описаниях неформального сектора).

³¹ Luis Ainstein, 'Buenos Aires: a case of deepening social polarization', in Gilbert, *Mega-City in Latin America*, p. 139.

³² Gustavo Riofrio, 'Lima: Mega-city and mega-problem', in Gilbert, *Mega-City in Latin America*, p. 159; and Gilbert, *Latin American City*, p. 73.

³³ Hamilton Tolosa, 'Rio de Janeiro: Urban expansion and structural change', in Gilbert, *Mega-City in Latin America*, p. 211.

³⁴ World Bank, *Inequality in Latin America and the Caribbean*, New York 2003.

³⁵ Orlandina de Oliveira and Bryan Roberts, 'The Many Roles of the Informal Sector in Development', in Cathy Rakowski, ed., *Contrapunto: the Informal Sector Debate in Latin America*, Albany 1994, pp. 64–68.

³⁶ Christian Rogerson, 'Globalization or informalization? African urban economies in the 1990s', in Rakodi, *Urban Challenge*, p. 348.

В бывших странах СЭВ после капиталистической «либерализации» 1989 года также произошла феминизация городской бедности. В начале 1990-х количество крайне бедных в бывших «переходных странах», как их называет ООН, резко подскочило с 14 до 168 миллионов человек — почти не имеющее прецедентов в истории массовое обнищание.³⁷ Если, с глобальной точки зрения, эта экономическая катастрофа была частично компенсирована известными достижениями Китая, связанными с ростом доходов прибрежных городов, китайское рыночное «чудо» было куплено ценой «огромного роста неравенства в оплате труда среди городских рабочих... в период с 1988 по 1999 год». Особенно пострадали от этого женщины и меньшинства.³⁸

В теории, конечно, 1990-е должны были исправить заблуждения 1980-х и позволить городам «третьего мира» вернуть утраченную почву и преодолеть пропасть неравенства, созданную ПСП. Но боль перестройки начали утолять обезболивающим глобализации. И 1990-е, как отмечают «Трущобы», были первым десятилетием, когда развитие городов во всем мире происходило почти в утопических условиях неоклассической свободы рынка.

В 1990-х торговля продолжала расти почти беспрецедентными темпами, закрытые области открывались, а военные расходы сокращались... Почти все сырье, необходимое для производства, стало дешевле, а процентные ставки падали вместе с ценой на товары первой необходимости. Потоки капитала становились все более свободными от национального контроля и могли быстро перемещаться в наиболее производительные области. При таких почти идеальных экономических условиях, согласно господствующей неолиберальной экономической доктрине, могло показаться, что это десятилетие должно было стать десятилетием необычайного процветания и социальной справедливости.³⁹

Но рост городской бедности не прекратился, и «разрыв между богатыми и бедными странами продолжал расти, как и в предыдущие два десятилетия, причем в большинстве стран неравенство доходов возросло или, в лучшем случае, стабилизировалось». Глобальное неравенство к концу столетия, по оценкам экономистов Всемирного банка, достигло невероятного для коэффициента Джини уровня 0,67. В математическом отношении это эквивалентно ситуации, когда две трети беднейшего населения мира не имеет ничего, а богатейшая треть — все.⁴⁰

³⁷ *Slums*, p. 2.

³⁸ Albert Park et al., 'The Growth of Wage Inequality in Urban China, 1988 to 1999', World Bank working paper, February 2003, p. 27; an John Knight and Linda Song, 'Increasing urban wage inequality in China', *Economics of Transition*, vol. 11, no. 4, 2003, p. 616.

³⁹ *Slums*, p. 34.

⁴⁰ Shaohua Chen and Martin Ravallion, *How Did the World's Poorest Fare in the 1990s?*, World Bank paper, 2000.

Избыточное человечество?

Мы пытались пробраться поближе
к Городу, цепляясь за всевозможные
щели и трещины...

Патрик Шамуазо, Техсако (1997)

Грубая тектоника неолиберальной глобализации после 1978 года похожа на катастрофические процессы, которые определили облик «третьего мира» в эпоху поздневикторианского империализма (1870–1900). В последнем случае насильственное выведение на мировой рынок продуктов, необходимых для жизни крестьян в Азии и Африке, вызвало гибель от голода и уход с традиционных мест проживания миллионов людей. В итоге, в том числе в Латинской Америке, произошла сельская «полупролетаризация»: создание огромного глобального класса обнищавших полукрестьян и батраков, которые не имели средств к существованию.⁴¹ (В результате XX век стал веком не городских революций, как утверждал классический марксизм, а эпохальных крестьянских восстаний и национально-освободительных войн). Может сложиться впечатление, что структурная перестройка оказала столь же фундаментальное влияние на человеческое будущее. Как заключают авторы «Трущоб», «вместо того чтобы быть центрами роста и процветания, города стали свалкой избыточного населения, которое имеет незащищенную и низкооплачиваемую работу в неформальном секторе услуг и торговли». «Рост этого неформального сектора», — открыто говорят они, — «является прямым следствием либерализации».⁴²

Глобальный неформальный рабочий класс (пересекающийся, но не совпадающий с населением трущоб) насчитывает почти миллиард человек и представляет собой самый быстро растущий и совершенно беспрецедентный социальный класс на земле. С тех пор, как в 1973 году антрополог Кит Харт, работавший в Аккре, впервые предложил термин «неформальный сектор», по этой теме появилась обширная литература (неспособная, правда, провести грань между микронакоплением и отчаянным поиском средств к существованию), рассматривающая теоретические и эмпирические проблемы, связанные с изучением стратегий выживания городской бедноты.⁴³ Но ни у кого не вызывает сомнений, что кризис 1980-х полностью изменил относительное структурное положение формального и неформального секторов, сделав неформальное стремление к выживанию основ-

⁴¹ См.: Mike Davis, *Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World*, London 2001, pp. 206–209.

⁴² *Slums*, pp. 40, 46.

⁴³ Keith Hart, 'Informal income opportunities and urban employment in Ghana', *Journal of Modern African Studies*, 11, 1973, pp. 61–89.

ным способом получения средств к существованию в большинстве городов «третьего мира».

Алехандро Портес и Келли Хофман недавно оценили общее влияние ПСП и либерализации на классовые структуры латиноамериканских городов с 1970-х. Они, как и ООН, отмечают сокращение государственных служащих и формального пролетариата в каждой из стран региона с 1970-х. Неформальный сектор экономики вместе с общим социальным неравенством, напротив, резко вырос. В отличие от некоторых исследователей, они проводят важное различие между неформальной мелкой буржуазией («совокупность владельцев микропредприятий, имеющих менее пяти наемных работников, а также работающие на себя профессионалы и специалисты») и неформальным пролетариатом («совокупность работающих на самих себя работников, не относящихся к профессионалам и специалистам, прислуга и оплачиваемые и неоплачиваемые работники на микропредприятиях»). Они показывают, что эту первую страту «микропредпринимателей», столь любимую в североамериканских школах бизнеса, зачастую составляют уволенные из государственного сектора профессионалы или квалифицированные рабочие. С 1980-х их доля выросла с 5 до 10% экономически активного городского населения: тенденция, отражающая «вынужденное предпринимательство, которым бывшим служащим пришлось заниматься из-за сокращений в формальном секторе».⁴⁴

Вообще, согласно «Трущобам», неформальные рабочие составляют примерно две пятых экономически активного населения развивающегося мира.⁴⁵ Согласно исследователям Межамериканского банка развития, в неформальной экономике занято сегодня 57% латиноамериканской рабочей силы, и она предлагает четыре из пяти новых «рабочих мест».⁴⁶ По другим источникам, более половины городских жителей Индонезии и 65% жителей Дакки работает в неформальном секторе.⁴⁷ «Трущобы» также цитируют исследование, которое пришло к выводу, что в неформальной экономике занято 33–40% городских жителей Азии, 60–75% горожан Центральной Америки и 60% обитателей городов Африки.⁴⁸ В африканских городах южнее Сахары «формальная занятость» практически полностью исчезла. Проведенное Международной организацией труда исследование рынков труда в Зимбабве при «стагфляционной» структурной перестройке начала 1990-х обнару-

⁴⁴ Alejandro Portes and Kelly Hoffman, 'Latin American Class Structures: Their Composition and Change during the Neoliberal Era', *Latin American Research Review*, vol. 38, no. 1, 2003, p. 55.

⁴⁵ *Slums*, p. 60.

⁴⁶ Цит. по.: *Economist*, 21 March 1998, p. 37.

⁴⁷ Dennis Rondinelli and John Kasarda, 'Job Creation Needs in Third World Cities', in Kasarda and Allan Parnell, eds, *Third World Cities: Problems, policies and prospects*, Newbury Park, CA 1993, pp. 106–107.

⁴⁸ *Slums*, p. 103.

жило, что формальный сектор создавал всего 10.000 рабочих мест в год, когда численность рабочей силы в городе росла более чем на 300.000 человек в год.⁴⁹ И, по оценкам «Трущоб», 90% новых рабочих мест в городской Африке в следующем десятилетии будут относиться к неформальному сектору.⁵⁰

Теоретики «капитализма с нуля» (*bootstrap capitalism*), вроде неутомимого Эрнандо де Сото, могут видеть в этом огромном множестве маргинализированных подсобных рабочих, избыточных государственных служащих и бывших крестьян оживленный улей амбициозных предпринимателей, жаждущих формальных прав собственности и нерегулируемого конкурентного пространства, но этих неформальных рабочих имеет смысл считать «активными» безработными, которые не имеют иного выбора, кроме как получать хоть какие-то средства или голодать.⁵¹ По оценкам, в мире имеется около 100 миллионов беспризорных детей, которые вряд ли — уж извините, сеньор де Сото! — станут заниматься первичным размещением акций или продажей фьючерсов на жвачку.⁵² И 70 миллионов «плавающих» китайских рабочих, которые полулегально проживают на городской периферии, в конце концов, вряд ли превратятся в мелких субподрядчиков или волеются в формальный городской рабочий класс. И неформальный рабочий класс, страдающий повсеместно от микро- и макроэксплуатации, почти целиком лишен защиты трудового законодательства.

Кроме того, как отмечает Ален Дарбессон, говоря об Абиджане, «развитие ремесла и мелкой торговли во многом зависит от сектора наемного труда». У него вызывает опасения «иллюзия», культивируемая Международной организацией труда и Всемирным банком, что «неформальный сектор может заменить формальный и способствовать процессу накопления, достаточному для города с более чем 2,5 миллионами жителей». ⁵³ Ему вторит Кристиан Роджерсон, который, подобно Портесу и Хофман, проводит различие между микропредприятиями, создаваемыми для «выживания», и микропредприятиями, создаваемыми для получения прибыли и «роста», и пишет о первых: «вообще

⁴⁹ Guy Mhone, 'The impact of structural adjustment on the urban informal sector in Zimbabwe', *Issues in Development* discussion paper no. 2, International Labour Office, Geneva n.d., p. 19.

⁵⁰ *Slums*, p. 104.

⁵¹ Орландина де Оливейра и Брайан Робертс справедливо отмечают, что нижнюю страту городской рабочей силы следует рассматривать «не просто по видам занятий или формальности или неформальности рабочих мест, а по стратегии получения дохода у домохозяйства». Масса городской бедноты может существовать только благодаря «объединению доходов, совместному проживанию, питанию и складыванию других ресурсов» с родственниками или земляками. ('Urban Development and Social Inequality in Latin America', in Gugler, *Cities in the Developing World*, p. 290.)

⁵² Statistic on street kids: *Natural History*, July 1997, p. 4.

⁵³ Dubresson, 'Abidjan', p. 263.

говоря, доходы этих предприятий, большинством из которых обычно управляют женщины, как правило, не отвечают минимальным потребностям уровня жизни, не позволяют совершать серьезные инвестиции или повышать квалификацию и редко перерастают в жизнеспособный бизнес». Если учесть, что даже в формальном секторе заработная плата в африканских городах несколько низка, что экономисты не могут понять, как рабочим вообще удастся выживать (так называемая «загадка заработной платы»), неформальный третичный сектор давно превратился в арену острейшей дарвинистской борьбы за выживание среди бедняков. Роджерсон приводит примеры Зимбабве и Южной Африки, где контролируемые женщинами неформальные ниши, вроде *shebeens* и *spazas*, в настоящее время переполнены и страдают от резкого падения прибыльности.⁵⁴

Иными словами, в макроэкономическом отношении неформальная занятость приводит к воспроизводству абсолютной бедности. Но если неформальный пролетариат не является низшим слоем мелкой буржуазии, он не является также и «резервной армией труда» или «люмпен-пролетариатом» в том смысле, в каком эти термины употреблялись в XIX веке. Подобные вещи нередко встречаются и в формальной экономике, и многочисленные исследования показали, как субподрядные сети *Wal-Mart* и других мегакомпаний способствовали распространению *colonias* и *chawls*. Но, в конце концов, большинство обитателей городских трущоб в действительности не принимают никакого участия в современной международной экономике.

Трущобы, конечно, зародились в глобальной деревне, где, как напоминает нам Дебора Брайсон, неравная конкуренция с крупной агроиндустрией привела к распаду традиционного деревенского общества.⁵⁵ Когда деревня утрачивает свою «аккумулирующую способность», на смену ей приходят трущобы и городская «инволюция» сменяет деревенскую, превращаясь в сток для избыточной рабочей силы, которая может найти пропитание, лишь проявляя чудеса героизма и самоэксплуатации и участвуя в дальнейшем конкурентном разделении и без того забытых ниш.⁵⁶ «Модернизация», «Развитие», а теперь еще и свободный «Рынок» отжили свое. Миллиард людей исключен из мировой системы,

⁵⁴ Rogerson, 'Globalization or informalization?', p. 347–351.

⁵⁵ Bryceson, 'Disappearing Peasantries', pp. 307–308.

⁵⁶ Согласно определению, предложенному Клиффордом Гирцем, «инволюция» означает «такое использование сложившейся формы, когда от последней оказывается невозможно избавиться вследствие ее необычайно глубокой внутренней проработанности» (Clifford Geertz, *Agricultural involution: Social development and economic change in two Indonesian towns*, Chicago 1963, p. 82). Говоря более прозаичным языком, «инволюцию», деревенскую или городскую, можно описать как постоянно растущую самоэксплуатацию (при условии, что другие факторы остаются неизменными), которая продолжается, несмотря на быстрое сокращение прибыли, до тех пор, пока остаются возможности для получения хоть какой-то прибыли или выгоды.

и может ли кто-то представить правдоподобный неолиберальный сценарий, позволяющий вернуть их в эту мировую систему в качестве производственных рабочих или массовых потребителей.

Маркс и Святой Дух

[Господь говорит:] Наступит время, когда бедняк скажет, что ему нечего есть и негде работать... Это заставит бедняка пойти туда, где есть еда, чтобы забрать ее силой. Это заставит богача расчехлить свое ружье и начать войну с рабочими... крови на улицах будет столько, сколько бывает воды после сильного ливня.

*Пророчество,
сделанное во время «пробуждения
на Азуза-стрит» в 1906 году*

Позднекапиталистическое разделение человечества уже произошло. Кроме того, глобальный рост обширного неформального пролетариата, представляет собой совершенно оригинальное структурное развитие, которое не смогли предвидеть ни классический марксизм, ни теории модернизации. Трудобой показывают неспособность социальной теории осмыслить новизну этой по-настоящему глобальной свалки людей, которые не обладают стратегическим экономическим влиянием социализированного труда и проживают в наспех сколоченных хибарах, окружающих укрепленные анклавы городских богачей.

Тенденции к вырождению городов, конечно, наблюдались и в XIX веке. Европейские промышленные революции не в состоянии были поглотить все предложение хлынувшей из деревень рабочей силы, особенно после того, как континентальное сельское хозяйство в 1870-х годах ввязалось в разорительную конкуренцию с североамериканскими прериями.

Но массовая иммиграция в поселенческие общества Америк и Океании, а также Сибири, послужила отдушиной, которая предотвратила появление мега-Дублинов и распространение низового анархизма, пустившего корни в наиболее сильно обедневших частях Южной Европы. Сегодня избыточная рабочая сила, в отличие от прежних времен, сталкивается с беспрецедентными барьерами — в буквальном смысле «великой стеной» высокотехнологичных пограничных служб, — которые препятствуют масштабной миграции в богатые страны. Точно так же сомнительные программы переселения людей в области «фронтира», вроде Амазонии, Тибета, Калимантана и Ириан-Джая, ведут к экологическим катастрофам и этническим конфликтам, не сокращая городской бедности в Бразилии, Китае и Индонезии.

Таким образом, трущоба остается единственным решением проблемы «сваливания» избыточного населения в XXI веке. Но разве огромные трущобы не являются вулканами, которые дожидаются своего извержения, как некогда считала напуганная викторианская буржуазия? И разве безжалостная дарвинистская борьба за выживание, когда все большее число бедняков борется за неформальные «объедки», не делает всепоглощающее общественное насилие высшей формой вырождения города? Насколько неформальный пролетариат обладает одним из самых сильных марксистских талисманов — способностью стать «движущей силой истории»? Может ли раздробленная рабочая сила вновь объединиться для участия в глобальном освободительном проекте? Или социология протеста в обнищавших мегагородах означает регресс к доиндустриальной городской толпе, эпизодически выражающей недовольство во время кризисов потребления, но во всех остальных случаях легко поддающаяся манипулированию при помощи клиентизма, популистских зрелищам и призывов к этническому единению? Или в супергородах нас ждет некий новый, непредсказуемый исторический субъект, наподобие того, о котором говорят Хардт и Негри?

На самом деле нынешняя литература о бедности и городском протесте не дает ясного ответа на такие вопросы. Некоторые исследователи, например, могут усомниться в том, что этнически разнообразные трущобы бедняков или экономически гетерогенные неформальные рабочие образуют некий «класс-в-себе», не говоря уже о потенциально активном «классе-для-себя». Конечно, неформальный пролетариат слабо заинтересован или не заинтересован вовсе в сохранении существующего способа производства. Но поскольку оторванные от своих корней мигранты из деревни и неформальные работники состоят из поденных чернорабочих или занимаются работой по дому у богатых, они не обладают культурой коллективного труда и лишены доступа к масштабной классовой борьбе. Их социальной сценой служит улица трущобы или рынок, а не фабрика или международная сборочная линия.

Борьба неформальных рабочих, как отмечает Джон Уолтон в своем обзоре исследований социальных движений в бедных городах, как правило, была эпизодической и непоследовательной. Как правило, она связана с непосредственными вопросами потребления: самовольным захватом земель для строительства жилья и бунтами против повышения цен на продукты питания или услуги. По крайней мере, в прошлом «городские проблемы в развивающихся обществах решались посредством отношений патрона и клиента, а не в ходе народных волнений».⁵⁷ После долгового кризиса 1980-х неопопулистские вожди в Латинской Америке пользовались необычайной популярностью, эксплуатируя отча-

⁵⁷ John Walton, 'Urban Conflict and Social Movements in Poor Countries: Theory and Evidence of Collective Action', paper to 'Cities in Transition Conference', Humboldt University, Berlin, July 1987.

янное желание городской бедноты иметь более стабильную и предсказуемую повседневную жизнь. Хотя Уолтон не говорит об этом прямо, городской неформальный сектор был идеологически неразборчив в своей поддержке популистских спасителей (Фухимори в Перу, Чавеса в Венесуэле).⁵⁸ С другой стороны, в Африке и Южной Азии городской клиентизм слишком часто сопровождался господством этнорелигиозных фанатиков, выступающих за этнические чистки. К печально известным примерам относятся антимусульманские подразделения Конгресса народа одуа в Лагосе и полуфашистское движение Шив Сена в Бомбее.⁵⁹

Доживет ли такая социология протеста «XVIII века» до середины XXI века? Прошлое — плохой советчик для будущего. История не единообразна. Новый городской мир развивается с необычайной скоростью и часто в непредсказуемых направлениях. Повсюду непрестанное накопление бедности разрушает экзистенциальную защищенность и ставит все более сложные задачи перед экономической изобретательностью бедных. Возможно, в какой-то момент грязь, скученность, алчность и насилие повседневной городской жизни, в конечном итоге, разрушат сети выживания, созданные в трущобах. Конечно, в старом деревенском мире имелись пороги, после преодоления которых происходил социальный взрыв (часто они были связаны с голодом). Но все же никто не знает, при какой температуре произойдет воспламенение новых городов бедности.

И, по крайней мере на время, Маркс уступил историческую сцену Мухаммеду и Святому Духу. Если Бог и умер в городах времен «промышленной революции», то в постиндустриальных городах развивающегося мира он снова воскрес. Контраст между культурами городской бедности в эти две эпохи просто поразителен. Как показал Хью Маклеод в своем блестящем исследовании викторианской религии рабочего класса, Маркс и Энгельс были правы, считая, что урбанизация привела к секуляризации рабочего класса. За частичным исключением Глазго и Нью-Йорка, «подход, связывающий отход рабочего класса от церкви с ростом классового сознания, в каком-то смысле был неопровержимым». Несмотря на процветание в трущобах мелких церквей и разного рода сект, большинство рабочих выказывало активное или пассивное неверие. Уже в 1880-х Берлин поражал иностранцев тем, что был «самым нерелигиозным городом в мире», а в Лондоне среди пролетариев Ист-Энда и Докландса в 1902 году прихожане составляли всего 12%, да и те

⁵⁸ Kurt Weyland, 'Neopopulism and Neoliberalism in Latin America: how much affinity?', *Third World Quarterly*, vol. 24, no. 6, 2003, pp. 1095–1115.

⁵⁹ Прекрасное, но пугающее описание возвышения Шив Сена в Бомбее за счет старой коммунистической и профсоюзной политики см.: Thomas Hansen, *Wages of Violence: Naming and Identity in Postcolonial Bombay*, Princeton 2001. См. также: Veena Das, ed., *Mirrors of Violence: Communities, Riots and Survivors in South Asia*, New York 1990.

были в основном католиками.⁶⁰ В Барселоне анархически настроенный рабочий класс во время «Трагической недели» участвовал в разграблении церквей, а воинственные рабочие из трущоб Санкт-Петербурга, Буэнос-Айреса и даже Токио обращались в новую веру Дарвина, Кропоткина и Маркса.

С другой стороны, сегодня популистский ислам и пятидесятническое христианство (а также шиваизм в Бомбее) занимают сегодня место, которое в начале XX века занимали социализм и анархизм. В Марокко, например, где приток иммигрантов из деревни в города составляет полмиллиона человек и где половина жителей моложе 25 лет, исламистские движения, вроде «Справедливости и благоденствия», основанного шейхом Абдессаламом Ясином, стали настоящими правительствами в трущобах: они организуют вечерние школы, оказывают правовую помощь жертвам произвола государственных властей, покупают лекарства для больных, субсидируют паломничества и оплачивают проведение похорон. По признанию премьер-министра Абдерахмана Юсуфи, социалистического лидера, которому в прошлом пришлось покинуть страну из-за преследований со стороны монархии, «мы [левые] обуржуазились. Мы оторвались от народа. Нам необходимо отвоевать народные кварталы. Исламисты переманили к себе наших естественных избирателей. Они обещают им рай на земле». С другой стороны, по замечанию исламистского лидера: «сталкиваясь с пренебрежительным отношением государства и тяготами повседневной жизни, люди открывают для себя — с нашей помощью — солидарность, самосовершенствование и братство. Они понимают, что ислам — это человечность».⁶¹

В трущобах Латинской Америки и значительной части Африки южнее Сахары популистский ислам заменяют пятидесятники. Сегодня христианство перестало быть западной религией (две трети его приверженцев живут за пределами Европы и Северной Америки), а пятидесятники — самые активные миссионеры в бедных городах. Особенность пятидесятничества состоит в том, что оно является первой крупной религией мира, которая почти целиком выросла на почве современных городских трущоб. Восходящее в своих истоках к экстатическому методизму и афроамериканской «духовности», пятидесятничество «пробудилось» тогда, когда в 1906 году Святой Дух ниспослал участникам межрасового молебного марафона в бедном районе Лос-Анджелеса (Азузастрит) «дар говорения на языках». Объединившись вокруг баптизма,

⁶⁰ Hugh McLeod, *Piety and Poverty: Working-Class Religion in Berlin, London and New York, 1870–1914*, New York 1996, pp. xxv, 6, 32.

⁶¹ Ignacio Ramonet, 'Le Maroc indécis', *Le Monde diplomatique*, July 2000, pp. 12–13. Еще один бывший левый сказал: «Почти 65% населения живет за чертой бедности. Люди из бидонвелей полностью оторваны от элит. Они смотрят на элиты точно так же, как они привыкли смотреть на французов».

чудес исцеления, харизмы и милленаристской веры в грядущую мировую войну труда и капитала, раннее американское пятидесятничество, как отмечают историки религии, служило «пророческой демократией», приверженцы которой из города и деревни также были сторонниками, соответственно, популизма и Индустриальных рабочих мира.⁶² И его первые миссионеры в Латинской Америке и Африке «часто жили в крайней нужде, почти или совсем без денег, не зная, где они остановятся на ночь или что они возьмут еду завтра».⁶³ Но их осуждение несправедливости индустриального капитализма и заявления о его неизбежном крахе так и остались бесплодными.

Симптоматично, что первая бразильская конгрегация в анархистском районе рабочего класса Сан-Пауло была основана итальянским ремесленником-иммигрантом, который променял Малатесту на Святой Дух в Чикаго.⁶⁴ В Южной Африке и Родезии пятидесятничество сначала пустило корни на приисках и в трущобах, где, по словам Джин Комарофф, «оно, по-видимому, сочеталось с местными представлениями о прагматичных духовных силах и компенсировало деперсонализацию и сознание собственного бессилия у городских рабочих».⁶⁵ Отводя большую роль женщинам в сравнении с другими христианскими церквями и особенно поддерживая воздержание и бережливость, пятидесятничество, как открыл Р. Эндрю Чеснат в *baixadas* Белема, всегда было особенно привлекательным для «наиболее нуждающейся страты бедных классов»: брошенных жен, вдов и матерей-одиночек.⁶⁶ С 1970-х годов во многом благодаря обращению к женщинам из трущоб и безразличию к расовой принадлежности пятидесятничество стало, возможно, самым крупным самоорганизованным движением городской бедноты на планете.⁶⁷

⁶² В своей спорной социологической интерпретации пятидесятничества Роберт Андерсон утверждает, что «его бессознательная цель», как и у других милленаристских движений, на самом деле была «революционной». (Robert Anderson, *Vision of the Disinherited: The Making of American Pentecostalism*, Oxford 1979, p. 222).

⁶³ Anderson, *Vision of the Disinherited*, p. 77.

⁶⁴ R. Andrew Chesnut, *Born Again in Brazil: The Pentecostal Boom and the Pathogens of Poverty*, New Brunswick 1997, p. 29. Об исторических связях пятидесятничества с анархизмом в Бразилии см.: Paul Freston, 'Pentecostalism in Latin America: Characteristics and Controversies', *Social Compass*, vol. 45, no. 3, 1998, p. 342.

⁶⁵ David Maxwell, 'Historicizing Christian Independency: The Southern Africa Pentecostal Movement, c. 1908–1960', *Journal of African History* 40, 1990, p. 249; Jean Comaroff, *Body of Power, Spirit of Resistance*, Chicago 1985, p. 186.

⁶⁶ Chesnut, *Born Again*, p. 61. Чеснут пришел к выводу, что Святой Дух не только позволял говорить на «других языках», но и способствовал увеличению семейного бюджета: «Освобождаясь от расходов, связанных с мужскими комплексами и представлениями о престиже и уважении, *Assembelianos* получали возможность улучшить свое материальное положение, а некоторые *Quandrangulares* из бедняков становились членами низших слоев среднего класса» (p. 18).

⁶⁷ «Во всей человеческой истории ни одно другое неполитическое, невоенное добровольное общественное движение не росло с такой скоростью, как пятидесятниче-

Хотя недавние заявления о «более чем 533 миллионах пятидесятников в 2002 году во всем мире», скорее всего, являются преувеличением, их численность вполне может достигать трети от этой цифры. Многие полагают, что 10% латиноамериканцев (около 40 миллионов человек) принадлежат к пятидесятникам и что движение было единственным серьезным культурным ответом на взрывоподобную и травматическую урбанизацию.⁶⁸ По мере глобализации пятидесятничества, оно разделялось на различные по своему составу течения. Но если в Либерии, Мозамбике и Гватемале спонсируемые американцами церкви поддерживали диктатуры и репрессии, а некоторые американские конгрегации стали теперь фундаменталистскими, миссионерские течения пятидесятничества в «третьем мире» по-прежнему остаются более близкими к изначальному, миллениаристскому духу Азуза-стрит.⁶⁹ Прежде всего, как обнаружил Чеснут в Бразилии, «пятидесятничество... остается религией неформальной периферии» (а в Белеме, в частности, «беднейших из бедных»). В Перу, где пятидесятничество распространяется почти в геометрической прогрессии на обширных *barriadas* Лимы, Джефффри Джамарра утверждает, что рост сект и неформальной экономики «является следствием и ответом друг на друга».⁷⁰ Пол Фрестон добавляет, что пятидесятничество — это «первая автономная массовая религия в Латинской Америке... Лидеры в ней, может, и не демократичны, но они происходят из одного социального класса».⁷¹

В отличие от популистского ислама, который подчеркивает цивилизационную преемственность и трансклассовую солидарность веры, пятидесятничество в традиции его афроамериканских истоков во многом сохраняет стремление к «исходу». Хотя, как и ислам в трущобах, оно от-

ство в последние два десятилетия»: Peter Wagner, 'Foreword,' in: Vinson Synan, *The Holiness-Pentecostal Tradition*, Grand Rapids 1997, p. xi.

⁶⁸ См.: David Barret and Todd Johnson, 'Annual Statistical Table on Global Mission: 2001,' *International Bulletin of Missionary Research*, vol. 25, no. 1, January 2001, p. 25. Синань утверждает, что в 1997 году пятидесятники насчитывали 217 миллионов последователей (Synan, *Holiness*, p. ix). О Латинской Америке см.: Freston, 'Pentecostalism', p. 337; Anderson, *Vision of the Disinherited*; David Martin, 'Evangelical and Charismatic Christianity in Latin America', in Karla Poewe, ed., *Charismatic Christianity as a Global Culture*, Columbia 1994, pp. 74–75.

⁶⁹ См.: Paul Gifford, *Christianity and Politics in Doe's Liberia*, Cambridge 1993; Peter Walshe, *Prophetic Christianity and the Liberation Movement in South Africa*, Pietermaritzburg 1995, pp. 110–111.

⁷⁰ Jeffrey Gamarra, 'Conflict, Post-Conflict and Religion: Andean Responses to New Religious Movements', *Journal of Southern African Studies*, vol. 26, no. 2, June 2000, p. 272. Андрес Тапиа цитирует перуанского теолога Самуэля Эскобара, который считает *Sendero Luminoso* и пятидесятников «двумя сторонами одной монеты» — «и те, и другие стремились побороть несправедливость, хотя и различными средствами». «После упадка *Sendero Luminoso* пятидесятничество одержало победу в борьбе за души бедных перуанцев». ('In the Ashes of the Shining Path', *Pacific News Service*, 14 February 1996).

⁷¹ Freston, 'Pentecostalism', p. 352.

вечает нуждам неформального рабочего класса (организуя сети взаимопомощи для бедных женщин; предлагая веру в качестве парамедицины; помогая избавиться от алкоголизма и наркомании; ограждая детей от соблазнов улицы и т.д.), его основная идея состоит в том, что городской мир испорчен, несправедлив и неисправим. Окажется ли эта религия «маргинализированных обитателей трущоб неокOLONиальной современности», как утверждает Джин Комарофф в своей книге об африканских сионистских церквях (многие из которых теперь относятся к пятидесятникам) «более радикальным» сопротивлением, чем «участие в формальной политике или профсоюзах» — покажет время.⁷² Но, когда левые не идут в трущобы, эсхатология пятидесятничества решительно отказывается мириться с бесчеловечной участью города «третьего мира», описываемой в «Трущобах». И она помогает выживать тем, кто в структурном и экзистенциальном отношении действительно живет в изгнании.

Сокращенный перевод с английского Артема Смирнова

⁷² Comaroff, *Body of Power*, pp. 259–263.